

Фонд «Духовная культура»

ОГРН 1051200084198 ИНН 1215103720 / КПП 121501001

424002, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Зарубина, дом 26 к.1

Email: fond.duhovnaya.kultura@gmail.com Тел.: +79027448224

<https://duhovnaya-kultura.ru>

№ 424/1089 от 05.03.2026 г.

Главе Республики Марий Эл
Ю.Зайцеву

Многоуважаемый Юрий Викторович!

Фонд «Духовная культура» обращался к Вам с предложением **поддержать** обращение к Президенту Российской Федерации В. Путину и план по созданию проекта «**Духовная культура России**», где обратился к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу и по его призыву «**Духовная мобилизация**» на рассмотрение и получение благословения о возможности присвоения Фонду «Духовная культура» слова «**Россия**» (письмо №424/628 от 29.08.2025 г., письмо №424/635 от 19.09.2025 г., письмо №424/636 от 23.09.2025 г., письмо №424/637 от 25.09.2025 г., письмо №424/638 от 27.09.2025 г., письмо №639 от 04.10.2025 г., письмо №424/640 от 10.10.2025г., письмо №424/642 от 17.10.2025г., письмо №424/644 от 25.10.2025 г., письмо №424/649 от 03.11.2025 г., письмо №424 от 07.11.2025 г., письмо №424/653 от 15.11.2025 г., письмо №424/658 от 22.11.2025 г., письмо №424/680 от 01.12.2025 г., письмо №424/686 от 06.12.2025 г., письмо №424/689 от 14.12.2025г., письмо №424/1004 от 21.12.2025 г., письмо №424/1036 от 07.01.2026 г., письмо №424/1045 от 17.01.2026 г., письмо №424/1050 от 25.01.2026 г., письмо №424/1054 от 01.02.2026 г., письмо №424/1059 от 08.02.2026 г., письмо №424/1084 от 15.02.2026 г., письмо №424/1084 от 28.02.2026 г. и письмо №424/1086 от 02.03.2026 г. направлялись).

Фонд «Духовная культура» продолжает создавать **Наблюдательный Совет Фонда «Духовная культура России»**, в состав, которого войдут все руководители Глав регионов Российской Федерации для юридической регистрации **Фонда «Духовная культура России»**.

Фондом «Духовная культура» будет предложено Вам, Юрий Викторович, войти в создаваемый **Фонд «Духовная культура России»** после его юридической регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации в качестве члена **Наблюдательного Совета Фонда «Духовная культура России»**.

Фонд «Духовная культура» и действующий **Общероссийский духовно - патриотический Центр «Духовная культура Республики Марий Эл»** продолжает ознакомление с расширенной программой создаваемого **Фонда «Духовная культура России»** по программе «**Голос Президента – ДУХОВНЫЙ – ВСЕОБУЧ**».

Ответы сталинизма

сегодняшняя Россия вновь слышит гулы своей вековой истории - Александр Проханов (газета «Завтра» №9 2026 г.)

Ещё не написана книга "Вопросы сталинизма", ещё не выявлены и не осмыслены великие открытия, сотворившие победную сталинскую эру, технологии, позволившие превратить лапотную страну в ракетно-ядерную державу, военные технологии, опрокинувшие самую грозную, страшную фашистскую армию, политические технологии, сохранившие государство среди смертельных опасностей XX века, мировоззренческие технологии, сотворившие несколько поколений самоотверженных жертвенных героев. Всё это ещё предстоит выявить, описать, спасти от забвения. Но уже сегодня проступает ответ на то, что это было, что ворвалось в земную жизнь, в человеческую историю, как громадный огненный метеорит. Во имя чего совершались все эти нечеловеческие труды, эти невероятные жертвы, эти несравненные дерзания, во имя чего эта вера, которая ослепила человечество, а потом медленно гасла и

превратилась в мглу. Всё, что прежде обитало в исторических мифах, сказочных мечтаниях, философских пророчествах и прозрениях, всё, что сулило человечеству небывалый взлёт к небесному совершенству, к райской любви и к бессмертию, всё это взялся осуществлять Сталин. Русский народ, получив в правители Сталина, стал превращать сказку человечества в быль, миф — в дерзновенную реальность, сновидения человечества — в грозную огнедышащую явь.

Сталинизм — это стремление преодолеть человеческую ветхость, греховность, несовершенство, животные инстинкты, порвать с греховной природой человека и вырвать его из этой греховности, сотворить нового, безгрешного человека, сотворить новый, безгрешный народ, строящий рай земной, ждущий, когда опрокинутое в смерть человечество вновь возродится, и кости оденутся плотью.

Сталинизм — это воплощение библейской заповеди "Будьте как боги". Сталинизм — это формула, утверждающая, что человек человеку не товарищ, не друг, не брат. Человек человеку — Бог. И та цивилизация, которую строила Россия в XX веке, была космическим кораблём, что мчался со стартплощадки, именуемой Россией, в рай. Этим раем была Россия, ставшая из земной России Россией небесной. У этого корабля была звёздная навигация. Этой путеводной звездой была бриллиантовая Звезда Победы, в которую превратилась Вифлеемская звезда. Когда сегодня конспирологи говорят о некоем космическом корабле, который посетил Землю и разбился, и на этом космическом корабле обнаружены гуманоиды, и сам факт посещения Земли инопланетянами содержится в страшной тайне, и эту тайну готов обнародовать американский баловень президент Трамп, не нужно заблуждаться. Советский народ был инопланетянином, явившимся в земную жизнь человечества. Советский Союз был тем межпланетным кораблём, который ворвался в земную реальность и разбился. И гуманоидами, которых тщательно ищут антропологи и конспирологи нескольких поколений, был великий советский народ, который откликнулся на благую весть, принял благую весть и принёс эту благую весть на Землю. Космический корабль, увенчанный бриллиантовой Звездой Победы, возносился до того момента, когда перестало биться сердце Сталина. Когда 5 марта 1953 года на Ближней даче остановилось это великое, многострадальное, иссечённое рубцами сердце, остановился полёт корабля. Он на мгновение застыл и стал падать. Его падение было долгим. Он упал и рассыпался на множество обломков. И мародёры ходили среди этих обломков, выковыривали из Звезды Победы бриллианты, одаривая этими бриллиантами своих наложниц, куртизанок, блистательных шлюх, танцующих на могилах героев. Попытка человечества вырваться за пределы ветхого мира, превратиться в райское человечество — эта попытка будет неизбежно повторена. Это стремление стать райским человечеством заложено в человеческий ген. Неизвестно, когда, в какой век, в каком народе, при каком вожде эта попытка будет повторена. Сегодняшняя Россия родилась среди великих обломков поверженного корабля. Нет смысла собирать эти обломки. Их больше не слепить, из них не построить сверкающее, ревущее чудо, несущееся в бесконечность, а только макет — убогое, из папье-маше, подобие. Но сегодняшняя Россия вновь слышит гулы своей вековечной истории. Вновь начинает прозревать её смыслы, её сокровенные заповеди. Сегодняшняя Россия, при всём её несовершенстве, при всей мгле, которая витает над ней, прозревает своё бессмертие, ведает о своей бесконечности, готовится к грядущему неизбежному взлёту.

Сталин неповторим, как неповторим сталинизм. Но он — как бриллиантовая звезда, которую повесил Господь на грудь России, сделав её страной-мученицей, страной богооткровенной, страной райской.

Я невольник одиночных камер.
Краковяк под пыткую плясал.
До костей истёртыми руками
Я стихи о Сталине писал.

Я любил его стальную поступь,
Сломанные ноги волоча,
На лице его, изрытом оспой,
Тайную ухмылку палача.
Он Россию щекотал усами,
Каждому словечко находил.
И ему глухими голосами
Люди отвечали из могил.
На себя копейки он не тратил,
Он Россию застирал до дыр,
Был её бессменный надзиратель,
Был её жестокий конвоир.
Но когда другие поколенья
Возжелают правды наконец
И его разроют погребенье,
То узрят бриллиантовый венец.
В монастыре, в его соборе чистом
Наперекор наветам и вражде
В святую ночь пред образом лучистым
Монахини молились о вожде.

В Третей мировой войне нейтралитет невозможен

интересы России и интересы глобалистов диаметрально противоположны - Андрей
Фефелов (газета «Завтра» №9 2026 г.)

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Россией и Ираном, подписанный 17 января 2025 года, содержит такие строки: "В случае если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется агрессии, другая Договаривающаяся Сторона не должна оказывать никакой военной или иной помощи агрессору". "Иной помощи..." Речь идёт не только о порохе и стали, продовольствии и разведданных, но и об информационной составляющей, не так ли? Могущественное и влиятельное сионистское лобби в России не хочет вчитываться ни в текст договора, ни в скрижали истории.

В 1951 году в Вашингтоне была зарегистрирована первая официальная произраильская лоббистская организация под названием "Американский сионистский комитет" (её основателем и единственным сотрудником был некто Исая Л. Кенан — канадский актёр, журналист, профсоюзный делец). В то время в СССР набирало ход дело Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). В разных городах Союза были арестованы 110 человек, обвинённых в еврейском национализме и шпионаже. Следствие шло быстро, приговоры были суровы, вплоть до расстрельных. Сталин нанёс удар по тем, кто считал себя "гражданами мира", а не гражданами СССР. Десятилетиями в новой России доминировали в культуре, медиа и бизнесе люди, чьи личностные и политические симпатии были связаны не с Россией, а с далёким Тель-Авивом или огнями Бродвея. Всё это ясно проявилось с началом СВО.

Мы стали свидетелями удивительной метаморфозы: сбежавшие из России в Израиль либералы, которые ещё вчера воспевали пацифизм и осуждали войну, вдруг превратились в оголтелых ястребов. Они публично и громогласно солидаризировались с геноцидом палестинского народа, оправдывая бомбардировки школ и больницы. 28 февраля 2026 года без объявления войны, параллельно с идущими американо-иранскими переговорами США и Израиль нанесли удары по иранским объектам. Утром 2 марта российское деловое издание РБК

опубликовало пространное интервью с иранской диссиденткой, нобелевской лауреаткой Ширин Эбади. Что мы слышим? Иран — это диктатура. Тюрмы в Иране ужасны: пытки, избиения плетью. В них нет медицинской помощи. Вывод делается такой: пока существует Исламская Республика, ситуация не изменится. Надо сказать, что глобалистский Синдикат, хозяин так называемых мировых СМИ, последовательно и неуклонно поддерживает Израиль. Установки понятны: Израиль, что бы он ни творил в регионе, всегда прав. В этой логике фашистский режим в Тель-Авиве — это "оплот цивилизации и демократии" на Ближнем Востоке. В этом смысле бежавшие из РФ либералы, оравшие про ужасные преступления Российской армии на Украине, а затем воспевавшие героическую доблесть ЦАХАЛ в секторе Газа, абсолютно предсказуемы. Так вышло, что существование израильского анклава на Ближнем Востоке напрямую зависит от судьбы глобалистского проекта. Без победы транснационалов Израиль — не жилец. Поэтому сионистское лобби во всех государствах — это и глобалистское лобби. Интересы России и интересы глобалистов диаметрально противоположны. Это показывает история последних пятидесяти лет.

Договор с Ираном, пункт о "неоказании иной помощи агрессору" — хороший повод задуматься всем спящим иноагентам и скрытым сионистам. В уже идущей Третьей мировой войне нейтралитет невозможен. Тем, кто льёт крокодиловы слёзы по иранским диссидентам, формируя общественное мнение в пользу недружественного Израиля, стоит помнить об истории с ЕАК.

Война Ваала

с Ираном воюет не Израиль, но Агасфер, который устал идти - Александр Дугин (газета «Завтра» №9 2026 г.)

Важное про Израиль. Израиль, который мы прославляем в православных молитвах, это Израиль до прихода Господа нашего Иисуса Христа. Это избранный еврейский народ, ожидавший Спасителя. Он пришёл к ним. Они Его убили. На этом ветхий Израиль закончился. Новым Израилем стала христианская Церковь и народы, принявшие Христа. Те, кто не принял Христа, больше не Израиль. Это представлено в притче об Агасфере. Агасфер сказал Иисусу, остановившемуся на пути на Голгофу под тяжестью креста: «Что встал, иди». Христос ответил ему: «и ты иди». И Агасфер с тех пор идет, не останавливается. До конца времен или пока он не обратится ко Христу, ему нельзя останавливаться. Он должен оставаться в рассеянии (галут). Это судьба, которую надо избыть. Судьба Агасфера. Новый Израиль - христианский мир. Он распространился на все народы. Но потом один за другим народы стали отпадать от него. Держалось лишь Православие. И после падения Царьграда Новый Израиль укрепился на Руси. Русский народ это и есть Новый Израиль, оплот всемирного христианства. С Ираном воюет не Израиль, но Агасфер, который устал идти. Думая, что сможет сам своей волей приблизить избавление (геула), он творит страшные вещи и лишь больше и больше усугубляет свою судьбу. Разве мог бы Спаситель, если бы он был настоящий, опираться на сеть каннибала Эпштейна? Нет, это Ваал, к которому на протяжении всей истории время от времени уклонялись ветхозаветные евреи, избранный народ. И высшее превращалось в низшее, избранность в проклятие.

Слова из Апокалипсиса: «Вспомни, откуда ты ниспал». Если был средненький, то и упадёшь как с табуретки; больно, неприятно, но не фатально. А если тебя избрал Бог, а ты предал Его, то это уже не с табуретки.

То, что сейчас происходит на Ближнем Востоке, это война Ваала, война Эпштейна. Как показательно её название - «Щит Иуды». Иуда не защищается, Иуда атакует. Для христианского уха это имеет совершенно особую коннотацию.

Нам же надо назвать СВО тем, чем она является - операция «Меч Катехона». Святая Русь как Новый Израиль не попускает сыну погибели подчинить себе весь мир. Это наша священная миссия. Для этого мы крещены в святой днепровской купели, для этого избраны, для этого созданы.

Символическая природа труда

путешествие в духовные верховья собственной личности - Михаил Ермолаев (газета «Завтра» №9 2026 г.)

Что мы сделали с нашими детьми! Прежний мальчишка мечтал о постройке шалаша из еловых лап, о сооружении крепости на островке посреди речки, о ловле карпа на заговоренный крючок. Всё это занимало душу, давало энергию. Теперь мальчишка тоже планирует и мечтает, но в применении к виртуальному миру. Строит из кубиков майнкрафта, отлавливает придуманную кем-то рыбку и порождённым чужим сознанием персонажам доказывает свою человеческую состоятельность. Чувствуете, какая страшная подмена? Из человеческой деятельности изымается естественный мир, она становится какой-то бесцельной, ни к чему не применимой. Правила человеческого общежития и обустройства души нарабатывались веками, и труд здесь имел огромное, если не решающее значение. Но человек решил его извести. Идеологи прогрессизма полагают, что улучшение жизни равняется уменьшению действий — пусть за человека всё делают машины, это и есть прогресс. «Кибернетизация в состоянии обеспечить высочайший возможный уровень жизни практически при отсутствии труда» (Жак Фреско «Все лучшее, что не купишь за деньги»). Вроде бы нам повезло, возможность уникальная, но в состоянии ли мы ею пользоваться? Получив свободу, обеспеченное безделье, мы почему-то не обретаем более осмысленное время, не высвобождаем силы духовные. Разглагольствования о том, что, когда у человека появится время, он сам решит, чем заниматься, разбиваются об очевидный факт: если не существует элемента необходимости, в большинстве случаев человек предпочтёт лениться. А человек обленившийся легко попадает в лапки массовой культуры, компьютерных игр, наркотиков. Мы когда-то трудились, теперь ходим на работу. Развитие технологий и недостаток способности адекватно на них реагировать привели к тому, что для решения одних и тех же задач нужно прикладывать всё меньше усилий, что многие функции или опции, которые продолжают сохраняться, потеряли свой смысл. Экономисты же придумали мерить стоимость товара временем, затраченным на его производство. Как же мы изнываем в своих офисах от безделья, отсиживая в них по восемь часов! Отсутствие труда поселяет в наши души метафору пустого времени, в котором человек вроде бы живёт, а на самом деле становится зомби. Мы впадаем в массовую кому, совокупно выгораем, как пресловутый «усталый менеджер». Растёт число тех, кто ни во что не верит, ничего не хочет. Появился целый класс, в сытых странах доходящий по численности до трети, чьё рабочее время заполняет «настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать её существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так» (Дэвид Гребер «Бредовая работа»). Превращение человека, действующего в человека, бездействующего ведёт к деградации, атрофии не только физической, но и моральной. Зачем взаимодействовать с людьми, помогать кому-либо, если ты сам никогда не будешь нуждаться в помощи? Ведь за тебя всё сделают машины. Утрата необходимости трудиться и готовность виртуальных миров подарить любую эмоцию подспудно ведёт человека к мысли, что труд в классическом понимании бессмысленен.

Да здравствует прибыль?

Впрочем, разве классики политэкономии не объяснили, какова конечная цель труда? Это же получение продукта для последующего потребления! Необходимо как можно больше произвести и продать. При всей неочевидности такой установки общество старательно её рекламирует, стремится мифологизировать приобретение, сделать из произведённых предметов объект вожделения, а не инструмент реализации смысла себя, «производства себя в качестве смысла». «Понятно, что... положение, будто бы люди а posteriori неким чудесным образом нуждаются как раз в том, что произведено и предложено на рынке (то есть для того, чтобы они имели в этом потребность, нужно было, чтобы в них уже присутствовало виртуальное требование), эта вынужденная рационализация просто маскирует внутреннюю целесообразность порядка производства... При помощи шулерской законности потребностей и удовлетворения вытесняется весь вопрос о социальной и политической целесообразности порядка производства» (Жан Бодрийяр «К критике политической экономии знака»). Задача рынка — создавать ажиотаж материального, провоцировать энергию формального прибавления. Мерилом эффективности нашей деятельности стали именно формальные показатели, и главное из них — прибыль. Чем больше принесёшь хозяину, тем больше заработаешь сам. Направь все силы на повышение прибавочной стоимости, тогда и наступит счастье. Нам предложили фальшивый источник энтузиазма, кривой вектор роста. По мысли Жака Фреско, стимулятором для современной человеческой деятельности являются конкуренция и дефицит. Могут ли они привести к положительным результатам? К финансовым — да: чтобы продукт получился качественным, нужна конкуренция, а чтоб его было вдоволь — борьба с дефицитом. Возведём конкуренцию в ранг добродетели, потребление в ранг верховного смысла, а дефицит — верховного страха, и получится духовная основа нынешней личности. Точно ли человек живёт затем, чтобы у кого-то росла прибыль? Не есть ли сама эта формулировка просто глупость, обманка, перевёртыш естественного течения человеческой жизни? На что рациональнее работать: на увеличение прибыли работодателя или на обустройство своего жизненного уклада, духовного и материального, при котором радуются твои старшие и развиваются твои дети? Капиталистическая система, особым образом моделирующая отношение к любой практической деятельности, «выдувает» из неё всё, что наполняет её смыслом. Просчитывая и пересчитывая прибыли от труда, мы не приходим к существенным для самих себя выводам о его цели. Джон Рёскин писал: «Лучшим и наиболее простым представителем капитала может служить хороший плуг. Если бы этот плуг производил только плуги на манер полипов, то какой бы громадный полипняк плугов ни блистал на солнце, плуг как капитал лишён был бы своего значения. Он становится истинным капиталом, только подвергаясь шлифовке другого рода... проводя борозды и через трение уменьшаясь, а не увеличиваясь в объёме. И существенный вопрос как для каждого капиталиста, так и для каждой нации состоит не в том, сколько имеется плугов, а где и каковы проведенные ими борозды? Важно не то, как скоро капитал удваивается, а что он сделал, удваиваясь. Какого рода продукты произвёл? Пригодны ли они для жизни? Какого рода работы продукт потребовал? Сохраняют ли они жизнь? Если нет, то удвоение его бесполезно или вредно, и лучше бы он и не удваивался (ведь капитал может разрушать жизнь, как и поддерживать её), так как, удваиваясь, он причинял только вред...» («Последнему, что и первому»). Представьте себе, что вы купили тысячу искусственных тюльпанов и завалили ими комнату. Потом говорите: надо выкинуть, а вам возразят: это же движение назад, вперёд — это если купить тысячу искусственных пионов и завалить следующую комнату. Для вас такая логика абсурдна. Но дело здесь вовсе не в том, чтобы просто что-то выкинуть. Комнату ведь можно приспособить для чего-нибудь полезного, например, поставить там большой стол и собираться всей семьёй. Победу «царства количества» мы глубоко переживаем, хотя и редко осознаём как главное «знамение времени». И кажется, что нет никакого выхода, никакой

подсказки. Давайте заглянем за стены монастыря. У монахов нет пренебрежения к физическому труду, он ощущается как созидательный, придаёт жизни смысл и притом остаётся бесплатным. «Так уж бесплатным? — возразят скептики. — Ведь люди едят, имеют крышу над головой, одежду». Но это нельзя назвать платой. Нельзя сказать: человек пришёл в монастырь и договорился, что будет молиться и трудиться, а за это будет есть. Монетаристы воспринимают еду как предмет рыночных отношений, но здесь она существует потому, что люди, которые пришли потрудиться, да и сами монахи, сделают что-то руками — и еда появится. Ни рыночных отношений, ни «общественного договора». Монахи не могут забрать такой труд. Скажут они: «Не только церковной утвари хотим закупить, но и сундуков, и тарелок, а лучше яхт — трудитесь теперь на нас по двенадцать часов в день». И что случится? Закончится честное, душевное хозяйствование, начнётся рыночная экономика. Но ненадолго: один за другим разбегутся труднички, и вся экономика ляжет на плечи монахов. И тем придётся самим работать на сомнительное «светлое будущее» и «экономические показатели». Важнейшая задача монастырского хозяйствования — поддерживать чистые, нестяжательские отношения, от которых экономика — производная, и если придётся перейти к деньгам и законам, монахи тоже побегут. А когда разбегутся, останутся только верховные начальники. Пригорюнятся они и скажут: «Зачем мы нагородили всю эту экономику? Было же хорошо!» Формализация и обезличивание человеческой деятельности ведёт к огромным доходам, но и наоборот, стремление к доходам обезличивает труд. Возникает механическое отношение человека к человеку. Разве можно не погрузиться в равнодушие, сидя за прилавком большого магазина? Работы, на которых каждую минуту разные люди и прежние никогда не возвращаются — это такой же изощённый способ расчеловечивания. Такие вещи в экономической теории не учитываются, рынку неинтересно, что бездушное взаимодействие с людьми меняет человека изнутри.

Постановка вопроса о труде

Экономист скажет, что «душевный» подход к вопросу организации труда антинаучен и утопичен, с точки зрения коммерческой эффективности из него ничего не следует. Для людей капиталистического склада, привыкших увеличивать производительность труда, оптимизировать штат и т.п., непонятны аргументы типа «артели видели свой «капитал» не в финансовой мощи, а в развитии мастерства, возможности иметь учеников, продолжении и развитии артельного дела» (Виталий Аверьянов «Русская артель. Невостребованный опыт»). Глобальный порядок предполагает, что человек должен исходить из его ценностей и целей. Но с какой стати сам человек должен исходить из целей глобального порядка? Зачем строить жизнь, опираясь на то, что ничего не даёт душе, смотреть на себя с точки зрения чужих интересов, а не своих внутренних целей? Любое дело — неотъемлемая составляющая наших внутренних процессов. Мы мыслим не столько за пределами деятельности, сколько внутри неё, ею самой. Вл. Соловьёв в работе «Философские начала цельного знания» сформулировал мысль, что бытие — это способ проявления сущего, результат взаимодействия познающего и того, что в его глазах становится явлением, то есть бытием. Что процесс превращения сущего в явление для познающего и есть познание. Таким образом, отказываясь от труда, мы не переходим к познанию, а, наоборот, уходим от познания, важная форма которого — труд. Один из промахов великой советской эпохи — разделение труда на умственный и физический, хотя грань между ними нечёткая. Каков труд электрика, выстраивающего сложнейшую схему электропитания? А труд пианиста, неистово колотящего по клавишам? А садовника? «Труд есть жизненная борьба человека с препятствиями, — писал Джон Рёскин. — Под словом «жизненная» подразумевается умственная, духовная и физическая сила, борющаяся с вопросами, трудностями и испытаниями или противодействиями материальной силы» («Последнему, что и первому»). И далее: «Доброкачественный труд всегда включает такое количество ума и чувства,

сколько необходимо для полного и гармоничного урегулирования физической силы». В наше время труд всё чаще ассоциируется с насилием над личностью. Говоря о необходимости отмены физического труда, как правило, имеют в виду его бездумную монотонность. Губительность конвейера понимали марксисты, прекрасно изобразил Чарли Чаплин в фильме «Новые времена». Работая на конвейере, человек получает опыт превращения в механизм, «выключения» души и сознания. Опасность явная, но что мы ищем взамен — монотонные движения пальчиками в компьютерных играх? И всегда ли монотонные движения губительны? Однотипность движений предполагает и строевая подготовка, но она при этом сплачивает, объединяет. А хороводы когда-то? А тренировки в залах для единоборств, в «качалках»? И перед сверстниками теперь достойней предстать со штангой, чем с лопатой, хотя, по сути, должно быть наоборот. Ведь надо бесконечно любить себя, чтобы каждый день следить за кубиками на животе. Конечно, через спортивные занятия мы реализуем как внешний, так и внутренний замысел себя — преодолевающего, побеждающего, устремлённого к ясным целям. Особенно в юном возрасте раздирает потребность выпустить наружу энергию, проявить лихость: «Мне бы дьявола-коня да плёточку...» В этом нет рационального смысла, прибыли и прочей эффективности, но без этого молодой душе не выжить. Что сейчас для этой лихости предлагает окружение? Прыгнуть и повиснуть на резинке над пропастью? А в каждодневном режиме — круче всех нажираться? Часами пуляться из виртуальных орудий? Кого-нибудь разводить на деньги в реальности? Где искать то, что помогало бы создать такого себя, которым и другие, и ты сам будешь восхищаться? Нам всем предложено садиться за компьютеры, идти сдаваться в офис, там разрушить своё тело, заработать денег и пойти в зал его восстанавливать. В кубиках на животе нет ничего плохого, как и в мускулах, в крепком теле, в хорошем здоровье. Но только в труде мы добавляем конкретную пользу для других, создание чего-то, отличного от самого себя. Во все времена труд существовал как прибавление, а не убавление, источник энтузиазма, а не отчаяния, смысла, а не бессмыслицы. Работа нужна для того, чтобы ввести человека в резонанс с чем-то главным. Она и моделирует это главное. Например, ощущение, что ничего не бывает вдруг, любое дело имеет свою длительность — замысел, подготовку, развитие. Мифологизированная для нынешних детей волшебная палочка создаёт иллюзию, что этих этапов и трудностей можно избежать; она — символ ускоренного достижения цели, победы над временем, но и символ насилия над временем. Это соблазн, разъедающий душу ребёнка, воспитывающий людей, неадекватных миру, ожидающих от него большего, чем он может и хочет дать.

Труд — способ общения и само созидания. Он может стать символом свободы, личной и общественной, не предполагающей эксплуатацию. Тогда можно начать самостоятельно добывать для себя продукты питания, как это проповедовал крестьянин-вольнодумец Тимофей Бондарев, повлиявший на Льва Толстого: «Все будут работать и есть хлеб своих трудов, и хлеб и предметы первой необходимости не будут предметами купли и продажи» (Лев Толстой «Трудолюбие, или Торжество земледельца»). Людей, способных самостоятельно себя прокормить, воспитывал Пифагор; их старался создавать из беспризорников Макаренко. В эпоху, когда все продукты достаются через магазин, идея самообеспечения может показаться надуманной. А может стать жизненной стратегией, придать существованию сакральный смысл: «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3,19). И это уже работа по воплощению особой картины мира, не просто животный инстинкт. Можно убедить себя, что твой тип труда приятнее, скажем, крестьянского. Он может быть тяжёлым, сезонным, механическим, но тот, кто работает на своей земле, никогда не назовёт свой труд бессмысленным. Труд — это мистерия, духовная реализация, путь. Наша цель — не увеличение количества ноликов, а реальное благосостояние, в том смысле, что без духовного состояния никакое благо невозможно. Качество жизни определяется не тем, сколько у тебя материальных благ, а тем, как ты настроен внутренне.

Радость от приобретения нового дома из 150 комнат сопоставима с радостью дооборудования имеющейся одной. Радость от дела человек испытывает не как производную от дела, а как производную от способности радоваться и радовать других. Символическое наполнение материальных целей в обществе потребления сильно отличается от того, которое придавали им когда-то. Смыслы себя могут следовать из мировоззренческих (и бессознательных) глубин, приобретать и другое наполнение, и другое происхождение. Но они всегда существуют в контексте самого себя, в контексте реального человеческого общества, а не системы выкачивания и подавления. Дело не в том, чтобы освободить себя от любого труда, а в том, чтобы провести водораздел между бессмысленным трудом и осмысленным.

Технический прогресс

Как у капитализма нет ни одного органа, похожего на человеческое сердце, так и у технического прогресса, понятого по-капиталистически. Насколько душа ещё способна быть для нас существеннее материального мира, можно понять по тому, как мы относимся к технике. Как-то пошло воспринимать Прометея как провозвестника пылесоса, у него были более содержательные задачи, чем химические усилители вкуса и компьютерные игры. Обходя стороной сам замысел человека разумного и деятельного, технический прогресс в состоянии уничтожить в человеке человеческое. Более того, уже понятно, что ради «блага человечества» (прогресса) этот самый прогресс в состоянии убрать всё, что стоит на его пути, включая само человечество. Это как ради денег убить или покончить с собой — преувеличение роли средства запросто заменяет и цель. Зачем человек, если сама логика технического прогресса исходит из его необязательности? Запад, помешанный на комфорте, проделал огромную подготовительную работу для будущего, но не выработал ключевых принципов пользования столь опасным инструментом. Очевидно, что у природы неправильно брать то, что невозможно восстановить. Значит, брать нефть нельзя, это для природы незалечиваемая рана. А солнечную энергию можно. Но чтобы произвести солнечные батареи, нужно потратить много нефти. И что теперь делать? Логика прибыли индифферентна к «неделовым» рассуждениям. Да ну её, природу, куда нас эти рассуждения заведут, в каменный век? Прогрессисты пытаются изобразить скептиков техники мракобесами, хотя никто не утверждает, что техника сама по себе зло. «Несмотря на наше признание того, что научно-технический прогресс пошел по ложному пути, его достижения значительно перевешивают негативные составляющие этого процесса. Только самый непримиримый и твердолобый активист движения по защите окружающей среды в состоянии отрицать многочисленные полезные достижения науки и техники в области медицины, информационного взаимодействия, производства электроэнергии и продуктов питания» (Жак Фреско «Всё лучшее, что не купишь за деньги»). Речь не про землянки, а про то, какой именно технический прогресс мы имеем в виду.

Очевидный регресс — облегчение труда, хотя если без конца избавлять человека от движения, наступит телесная атрофия. Трактор помогает вспахать — очевидный прогресс, хотя тоже с поправкой, если согласиться с мыслью, что глубокая вспашка — регресс для земли, такой стресс, что после него она долго не сможет давать урожай без химии. А химия — это очевидный регресс, если рассматривать его с точки зрения пользы для человека, а не бизнеса. Трактор работает на нефтепродуктах. Добыча нефтепродуктов — прогресс или регресс? Это всё равно, что спросить, хорошо ли, что скоро на планете закончится пресная вода, ведь результат добычи нефти — невозполнимая утрата пресной воды. Сама по себе добыча нефти — очевидный регресс. Выхлопы из трактора — тоже регресс, поскольку они ухудшают экологическую ситуацию. Называть такое техническим прогрессом удобно разве что тем, кто на этом зарабатывает.

Подведём итог. Использование трактора имеет минимум один элемент прогресса: облегчение физического труда. Но также минимум три элемента регресса: стресс для земли; уничтожение пресной воды; загрязнение окружающей среды. Наш оппонент может сказать: но ведь облегчение физического труда крайне важно, оно перевешивает всё остальное! Конечно, запретить технику и вернуться к ручному труду — это точка полного регресса. Но напротив неё — точка обманного прогресса (три к одному). Если бы мы вправду заботились о прогрессе, то и ставили бы задачу прогресса иначе. Мы бы сказали себе: надо решить проблему упрощения физического труда, при этом сохранив землю, пресную воду и окружающую среду. Все кулибины мира могли бы взяться за эту проблему, что называется, «снизу», если уж «верхи» настолько дряхлы (простите, прогрессивны), что не могут отказаться от убийственных привычек. Правильно построенный и поставленный под контроль технический прогресс имеет свою сверхзадачу. Условно «неорганический» человек, склонный к бездумному существованию, покорно отправится на службу к машинам, «органический», не утративший субъективного начала, поставит машины себе на службу. Если та или иная техника или функция не способствует уничтожению природы и человека, а просто помогает меньше задумываться о бытовом, тогда технический прогресс переходит на сторону человека. Следующий этап — встать на путь органического технического прогресса, который способствует жизни в согласии с природой, питаться естественной пищей и при этом не выпадать из культурной и интеллектуальной повестки. Поистине Гуттенбергову роль играют всё более доступные носители информации, облегчающие путь души к душе. «В наши дни человеческое слово с помощью искусных приспособлений способно переноситься с одного конца нашей планеты на другой... Не образ ли это всеслышания Божия?» (Николай Сербский «Охридский пролог»). Не убивая физический труд, а отсекая бессмысленную его часть, развитие техники помогает уничтожить деление на высших и низших и тем самым работает на создание справедливого общества.

Труд и душа

Итак, труд помогал человеку обретать и укреплять в себе важнейшие черты, которые потом собирались в целое личности: способность преодолевать себя, готовность к взаимопониманию и уважению, причастность к общему делу и умение достигать целей. Рискну предположить, что эффективным труд становится не потому, что он увеличивает доходы государства или конкретного богача либо стимулируется материально, а в первую очередь потому, что стимулируется морально — становится желанным. Создание нового справедливого общества, победа в ВОВ, строительство БАМа наполняли людей энтузиазмом и давали феноменальный эффект. Экономическая составляющая компенсировалась наслаждением от сделанного; даже ничего не получая, люди становятся счастливыми от своего труда, видя его результаты. Для вдохновенного труда мне необходимо ощущение, что я действую с собственным замыслом, по собственной воле. «Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! — писал Максим Горький. — Когда труд — обязанность, жизнь — рабство!» («На дне»). Тема свободы очень тонкая, предмет огромного количества спекуляций и пропагандистских вывертов (одно «свободное общество» чего стоит), тот самый «шумок», под который так эффективно закабаляют людей агитаторы. Задача современного человека — заново отвоевать у мира право на собственный труд: не на помещика, партийного бонзу или капиталиста. «Несвободный труд не делает из человека личность, реализующую себя в полной мере, а вместо этого является эффективным средством превращения его в “вещь”» (Паулу Фрейре «Педагогика угнетённых»). Труд из-под палки — не выход для жаждущего, и наоборот, осмысленный труд наполняет душу: «Я приобрёл... ручную мельницу. Чугунное колесо было слишком тяжело для одного человека, но вдвоём управиться с ним было нетрудно. Обычно эту работу выполнял я вместе с Полаком и детьми... Эта работа оказалась благотворным упражнением для детей. Мы ни к чему их не принуждали.

Работа была для них приятной игрой, и они могли бросить её в любое время, как только уставали. Но дети... как правило, никогда не обманывали моих ожиданий» (Махатма Ганди «Моя жизнь»). На Руси труд воспринимался как неременное условие нравственного восхождения, он «никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем трудолюбие было характерным выражением духовности» (Олег Платонов «Русский труд»). Для русского человека свободный труд на себя и свою семью всегда был предпочтительнее службы. В нём он чувствовал себя человеком вольным и по-настоящему раскрывался. И сейчас наши старшие возделывают огород, и это не возрастная упёртость, а интуитивная мудрость — они создают свой мир, с акцентом на «свой». Когда-то они создавали миры своих детей, но те выросли и стали создавать свои. Порой оскорблённые или заброшенные своими детьми, старики трудом на шести сотках как бы доказывают и себе, и детям, и миру, что мы всё равно созидаем наш общий прекрасный семейный мир, и он навсегда! Интересно, стоял ли при Советском Союзе за раздачей шестисоточных угодий кто-то по-настоящему умный? Кто сказал себе: убивая крестьянство, загоняя людей в казематы городов, мы оставляем им надежду на спасение. Глядишь, они не утратят свои навыки окончательно и когда-нибудь будут готовы к возрождению. И свою малую родину будут больше любить, а через это и большую. Без идеального человеку никак нельзя: он утрачивает причину жить. Принадлежит ли это идеальное строго определённым жанрам и видам искусства? Правда ли, что только в них проявляется дух? Вот как размышлял на эту тему оптинский старец Нектарий: «Художник — это человек, могущий воспринимать... другим не видимые и не слышимые звуки и свет. Он берёт их и кладёт на холст, бумагу. Получаются краски, ноты, слова. Звуки и свет как бы убиваются. От света остаётся цвет. Книга, картина — это гробница света и звука. Приходит читатель или зритель, и если он сумеет творчески взглянуть, прочесть, то происходит «воскрешение смысла». И тогда круг искусства завершается, перед душой зрителя и читателя вспыхивает свет, его слуху делается доступен звук. Поэтому художнику или поэту нечем особенно гордиться. Он делает только часть своей работы. Напрасно он мнит себя творцом своих произведений — один есть Творец, а люди только и делают, что убивают слова и образы Творца, а затем, от него же полученной силой духа, оживляют их» («Житие оптинского старца Нектария»). Разные эпохи приписывают важность тем или иным искусствам, которые на данный момент кажутся относящимися к вечности; сейчас это актёрство и музыка, завтра снова будут стихи, как при Пушкине, публицистика, как при Писареве, или романистика. Мы так много знаем про поиски творческих личностей потому, что те, кто занимается творчеством, — прототипы для самих себя. Но точно ли они образцы для нас? Писательство, по наблюдению Гийома Мюссо, «это не занятие для людей в здравом уме. Занятие для шизофреников — вот что это такое! Для него требуется разрушительное умственное расстройство: чтобы писать, ты должен находиться и в мире, и вне мира... Когда ты пишешь, ты не живёшь с женой, детьми, с друзьями. Истинное твоё существование год, два года, пять лет протекает в окружении твоих героев... Ты постоянно на страже, вечно караулишь мимолётную мысль, удачное выражение, чётточку характера, из которой может вырасти персонаж» («Тайная жизнь писателей»). Творчество лечит, говорят, без него психушки были бы переполнены; мы невольно перенимаем от авторов не только воплощённое ими в текст идеальное мира, но и склад их души. Вера в авторство творения — как иллюзия бессмертия, из-за которой мы редко восхищаемся настоящими тружениками за пределами жанров. Ограниченный набор «узаконенных» источников идеального — это позднее изобретение, до прославления «творческих личностей» идеальное запросто обходилось без них. Проходящий мимо деревни гусяр мог сообщить о мире такое, что не сообщит ни один писатель. Вовсе не в области тщеславия или жадности следует искать будущее творчества. Мы помним, что творчество — это труд, но порой забываем,

что труд — это творчество. Если оно существует за пределами узаконенных жанров, не логично ли предположить, что оно может заключаться вообще во всём? Не для общества важно, чтобы наш труд был творчеством, — для нас самих. Учёные пришли к выводу, что на увеличение «количества здоровья» влияют два фактора: кислород и творчество (Геннадий Апанасенко «Планетарная эволюция и здоровье человека»). Истинное творчество — это вхождение в резонанс со вселенной, с истиной, а не с заказчиком и публикой. Идеальное разлито по всему миру и может проявляться через что угодно. Творчество в идеале есть способ произнесения себя вовне и обмена светлыми энергиями, созидание мира через себя и своё дело. Как писал Генри Торо («Уолден, или Жизнь в лесу»): «Сделать прекраснее наш день — вот высшее из искусств!»

Образ мира

Философы заметили, что любое творчество следует рассматривать не только как преобразование данного в рамках данного, но и как один из важных элементов синергического слияния дальнего с горним, человеческого с божественным на пути к теургии. Творчество — «моделирование здешней реальности» (Сергей Хоружий «Диптих безмолвия»), её пересоздание, включённое в теургический замысел бытия. Оно такой же ручеёк, как разум или чувство, как тело, судьба или действие, даже как религиозная практика. Так и любой осмысленный труд — это превращение событий души во что-то новое, отличное от этой самой души, воплощение бесплотного в плотное; это исполнение задания до-последующего мира прижизненному; поэтому, когда мы трудимся, в том числе физически, мы одновременно пишем что-то важное не только на земле, но и на небесах. Но не слишком ли это абстрактно, особенно для того, кто ежедневно трудится не только языком? Невозможно же работать лопатой, постоянно помня, что ты этим что-то символизируешь, моделируешь. А сколько в таких рассуждениях возможностей для любого бездельника: «Я эту работу делать не буду, с ней я недостаточно духовно расту!» Как и для самого обидного сарказма от сильных мира сего: «Не каждое движение лопатой должно быть наполнено глубоким смыслом, пусть просто быстрее машут и дальше кидают — вот и вся польза. Им на водку, мне на яхту». Вообще с таким понятием, как символическая роль труда, надо быть осторожными. Чтобы сформулировать, в чём философская суть труда, надо быть одновременно философом и свободным созидателем своей жизни. Есть вещи, в которые надо погрузиться — и без всякого философствования просто делать. Чтобы построить «метафизически здоровое» общество, важно не только сформулировать философский образ труда, но и понять смысловое наполнение разных профессий. Несопоставимо ценнее других те виды работ, которые дают людям проникаться душами друг к другу, обмениваться положительными энергиями. Когда люди практикуются во взаимопонимании и взаимовыручке, и общество становится более сплочённым. «Авторы трудов о жизни после капитализма часто размышляют, как работа может стать желанной: способом выражения творчества, средством полноценного развития сил и потенциала и проявления солидарности с другими людьми путём создания предметов, которые, по нашему мнению, им понравятся» (Робин Ханель «Только сами: доводы в пользу экономики участия»). В метафорике труда заложено признание авторитета, проявление уважения к предкам, общения с ними. Когда-то наши родители делали то-то и то-то; повторяя их действия, мы как бы восстанавливаем с ними связь или даже становимся ими, а без этого будто повисаем в безвоздушном пространстве. Возможно, одна из составляющих плана по уничтожению труда как раз и состоит в том, чтобы человек превратился в такую тряпочку на ветру, но наша задача противоположная — не только через продолжение родительского труда блюсти себя, но и позаботиться о детях, чтобы они с юности впускали в свой внутренний психологический строй будущее общение с нами через труд.

Труд — важнейший метод самовоспитания, через него мы обретаем настоящих себя — объединяющее, возвышающее, концентрирующее, которое в нас есть. Он одновременно помогает понять и помогает стать. Если я хочу знать, насколько я упорен, я начинаю что-то делать регулярно. Не зря регулярность заложена в обряде; усилия, которые мы прикладываем к тому, чтобы чего-то добиться, в своей регулярности приближаются к молитве. Если мы делаем что-то без необходимого упорства, значит, победить не очень-то и хотелось и мы не заслужили победы. Всем хочется избежать каждодневных однообразных действий, однако, прерывая регулярность, мы обнаруживаем в себе недостаточное упорство. Или, наоборот, чтобы упорство стало достаточным, мы продолжаем регулярно делать, что начали. Таким образом, познание через действие перетекает в действие, которое помогает скорректировать результаты познания. Труд бессмыслен, только если он не моделирует некое духовно воспринимаемое будущее, и осмыслен, если опирается на определённую мысль, опрокинутый в будущее образ. Если я развожу сад, значит, создаю мир, как я его вижу; вряд ли можно воспринимать такую работу как обычное украшательство. Когда я ухаживаю за лошадью — выгребаю навоз, меняю подстилку, мою и вывожу гулять, — я мечтаю о том моменте, когда мы поскачем в поля. Когда те же действия я совершаю по отношению к будущей колбасе, мой энтузиазм приобретает иное наполнение, душа моя гаснет. Когда видишь не образ отдельного движения в контексте большого дела, а сам контекст, сохраняется один из главных для человека ментальных навыков — способность представлять явление в целом. Практика созерцания целого может распространиться и на собственную жизнь, и на жизнь окружающих. «Трудовая забота, — считал Макаренко, — это не просто дорога к средствам существования, это еще и этика, это философия нового мира, это мысль о единстве трудящихся, это мысль о новом счастливом человечестве» (цит. по кн. «Воспитание гражданина»). Доводя мир до совершенства, реализуя на практике заранее написанный на небе образ, мы моделируем мир, где идеальное возможно. «Требуйте своего права быть накормленными, — писал Джон Рёскин, обращаясь к воображаемому рабочим, — но ещё громче требуйте права быть святыми, совершенными и безупречно чистыми» («Последнему, что и первому»). Многие революционеры с презрением относились к «теории малых дел», не видели за ней практику символических дел, которая может через посредство индивидуального духа изменить целое мира. Дела становятся великими, когда формируют образ мира. Не только мировые революции и героические стройки дают духовное наполнение, но и уклад, взаимодействие, материальные цели. «Каждый великий творец в сферах науки, философии, религии, технологии или изящных искусств, — рассуждал Питирим Сорокин, — является гигантской энергетической станцией, генерирующей энергии истины и красоты. Поскольку эти энергии являются трансформируемыми в энергию любви... увеличение количества этих героев... косвенно ведёт к увеличению производства любви... Поэтому все меры, которые способствуют увеличению конструктивного творчества в сфере истины и красоты, также служат цели увеличения творчества в сфере добра» («Таинственная энергия любви»). Можно ли полностью воплотить идею такого труда? Полностью в этом мире ничего не воплотить, возможно только стремиться к образу. Чтобы снова сделать осмысленный труд высшей общественной ценностью, мало пропеть ему славу и похвастаться тем, как когда-то его ценили в России. Опираясь на общественные институты — образование, идеологию, СМИ — необходимо расколдовать саму идею труда, целенаправленно осмыслить её привлекательность. Пока слово «труд» не раскроется, не засияет заново, оно будет тяжёлым кирпичом на каждой судьбе. Пора говорить о труде как о путешествии в духовные верховья собственной личности. Необходимо публично понять, чему служит каждое наше усилие, какую волю оно исполняет помимо человеческой, в какой образ мира преобразуются на практике и чего конкретно лишается человек, когда перестаёт трудиться. Если мы принимаем идею объективного существования

души, осмысленное действие становится духовным наполнителем реальности. Выстраивая так или иначе свой труд, мы выстраиваем и собственные души, а через это и душу совокупную, мировую.

На скальном камне летопись резная...»

о поэтическом цикле «Победа в небесах» Александра Проханова - Иван Голубничий –
(газета «Завтра» №9 2026 г.)

Масштабный поэтический цикл «Победа в небесах» известного русского писателя, Героя Труда России Александра Андреевича Проханова представляет собой уникальное для нашего времени явление. Современная поэзия характеризуется, с одной стороны, большой социальной активностью, но с другой стороны – зачастую демонстративным уходом от традиционных критериев и смыслов в сторону декадентской раскованности, разрывом с отечественной традицией. Поэзия Александра Проханова возвращает российскому читателю представление о высоком уровне творчества, как в отношении содержания, так и в отношении литературного мастерства. Проханов широко известен в России прежде всего как автор многочисленных романов, в художественной форме отражающих все этапы нашей государственной истории. Его произведения оказали большое влияние на формирование общенационального самосознания российского народа на стыке веков. Как поэт он известен не так широко. Однако масштаб его поэтического дарования столь значителен, что давно уже наступило время сказать серьёзное слово о Проханове-поэте.

«Победа в небесах» – не просто собрание стихотворений, имеющих автобиографический характер. В своей совокупности это эпическое полотно, в котором судьба писателя органично сплетена с судьбой страны, и это неразрывное сплетение выражено во всём богатстве художественных средств, доступных русской поэтической речи. Мощное течение его стиха подобно движению потока раскалённой лавы, пробивающего себе путь сквозь сопротивление застывшего обывательского сознания и мертвящих стереотипов. Обжигающая образность, порой пугающая своей непереносимой откровенностью, заставляет читателя чутко вслушиваться в смыслы прохановского эпоса, подчиняться его завораживающей силе – и отзываться на глубинные смыслы, таящиеся в классических стихотворных ритмах. Стих Проханова берёт свои истоки от русской классической традиции, создавая обновлённую систему координат, создавая и формируя новый взгляд на суть вещей и истории в целом.

Я жил в стране – подобной мир не знает.

Её святой брильянт померк в потёмках.

На скальном камне летопись резная

О ней поведают несведущим потомкам...

<...>

Земных богатств мы в жизни не стяжали.

Мы помышляли о небесном чуде.

Читайте на скале мои скрижали.

Вам посвятил их, будущие люди...

Одна из особенностей творческого метода Проханова состоит в том, что он полностью свободен от сковывающих условностей установленных форм, и при этом чутко поддерживает связь с национальной поэтической традицией в её полноте. В его красивых и величественных ямбах героика воинских буден органично сосуществует с умной и сокрушающей иронией, методичные описания батальных картин – с широким охватом

соответствующего исторического контекста, философское осмысление действительности – с медитативной созерцательностью... Чтобы в полной мере понять и оценить магию прохановского стиля, его глубинное содержание, нужно последовательно и пристрастно погружаться в текст, воспринимая образы – в их стремительной непосредственности, а смыслы – в их сосредоточенной многозначности. Тогда перед читателем открывается жизнь в её экзистенциальной амбивалентности и неисчерпаемой беспредельности. И слова таинственного «гонца в накидке голубой», посланного к автору Творцом, станут понятными, обретут живое содержание.

«...Твоих поэм пергаментные свитки
Подвесит Бог на звёздном коромысле.
Захочет в них найти не знаний слитки,
А обретённые тобой крупницы смысла.
И этих смыслов маковые зёрна
Цветами расцветут в саду небесном.
И чудные певцы в чертогах горных
Их дивно пропоют, как “Песню песней”...»

Поэтический цикл Проханова, будучи, по сути, исповедальным, охватывает многие уровни бытия и моменты истории, каждый из которых достоин толстых томов исследований. Но поэту подвластно то, что не подвластно историку – он обладает чудесным даром в нескольких словах выразить суть неимоверно сложных явлений. Обширное повествование приводит автора к пронзительному признанию, с которым он обращается к своему читателю – соотечественнику и единомышленнику.

Я не искал ни почестей, ни денег.
Я на пиру был чашей обнесён.
Я прожил жизнь среди дивных сновидений
И жду теперь, когда прервётся сон.
Я был солдат. Я жизнь провёл в сраженьях.
Моих утрат не взвесить на весах.
Я потерпел земное поражение,
Но одержал победу в небесах.

Говоря о творчестве Проханова, нельзя не коснуться ещё одной грани его личности. Проханов – художник, в картинах которого жёсткий гротеск сочетается с жизнеутверждающим пафосом, религиозная символика – с элементами советской эстетики. Живопись Проханова плодотворно дополняет его поэзию, делая его авторский эпос ещё более объёмным. Символика его картин доступна чистосердечному созерцателю, чья душа ищет опоры не в бесплодных умозрительных рассуждениях, а в пламенных образах, несущих в себе заряд жизненной энергии и новых смыслов, которые так необходимы человеку в тревожном и меняющемся современном мире. Живопись Проханова – ещё одно яркое и содержательное проявление его многогранной личности, отзывающейся на мировую жизнь всегда талантливо и убедительно.

Стихам Александра Проханова, как и его романам, суждена долгая жизнь. Сегодня, когда Россия, мучительно преодолевая наваждения и соблазны недавнего прошлого, возвращается к своим истокам, выходит на магистральное направление бытия, читателю остро необходимы произведения, осмысляющие прошедшее, но устремлённые в грядущее. Именно этим качеством обладают стихи Проханова, объединённые в мощное героико-эпическое полотно. Сегодня, в условиях бытийных разломов, нашему народу необходимы духовные ориентиры. «Победа в небесах» – несомненно, один из таких ориентиров.

Поэтический цикл Александра Проханова «Победа в небесах», изданный в сопровождении его живописных работ, неизбежно станет важным событием литературного процесса и духовной жизни России.

Священное царство

беседа с Юрием Громыко о цивилизации, истории и укронацизме - Виталий Волков (газета «Завтра» №9 2026 г.)

Виталий ВОЛКОВ. Не так давно я в составе небольшой команды был в Саратове, где выступал с темой культурного кода России, а студенты Саратовского университета задавали вопросы. Двое задали такие вопросы, которые заставили меня как следует задуматься. Первый студент спросил, а зачем вообще изучать историю? Это не был подвох. Он действительно искренне хотел, чтобы ему это объяснили, зачем ему в его конкретной жизни, настроенной на конкретные результаты, знать и изучать историю? Чем она ему окажется полезной? А второй молодой человек задал уже вопросик с подвохом. Он звучал примерно так: «Вот говорят про русский культурный код, про русскую цивилизацию, а в чём, собственно, русская цивилизация-то заключается? Античная цивилизация дала нам ясно что, Европа дала нам ясно что, Америка дала нам ясно что. А русская-то, что дала»? Я предложил свои ответы на оба эти вопроса. В частности, указал на то, что, к примеру, русская литература Карамзина, Пушкина, а затем литература её Золотого века составила способ «нематематического знания» о человеке, о том, что я называю сложной русской правдой, и об определённых законах связи души, духа и тонких сущностей вообще. Но остался собственным ответом не вполне доволен. Поэтому переадресую и его, и первый вопрос вам.

Юрий ГРОМЫКО, психолог, педагог. И первый, и второй вопросы связаны с наличием или отсутствием потребности в историческом мировоззрении. У молодого человека, начиная с подросткового возраста, когда происходит половое созревание, создаётся иллюзия, что он что-то может сам. Но чуть позднее (конечно, некоторые гениальные люди распознают это значительно раньше), становится понятно, что все мысли, которые у него возникают, и которые чего-то стоят, в общем-то определяются неким над-индивидуальным планом. Собственно, этот над-индивидуальный план проявляется даже в личной жизни, когда человека вдруг начинает интересовать, а что из себя представляет его род, к какой он, собственно, принадлежит родовой традиции и родовой линии. Но точно так же это определяется и значительно более широкими представлениями, связанными с тем, что человечество в целом является человечеством именно потому, что оно наследует длинные исторические циклы, обладает этой памятью. И, в том числе, наследует формы мышления. И формы мышления, которые действительно новы, возникают за счёт того, что человек осознаёт и понимает значительно более длинные исторические линии. Есть известное место в «Тимее» Платона, где один из участников диалога Критий рассказывает о взаимодействии греческого поэта Солон со жрецом одного из храмов Неит в Саусе, и тот говорит: «Вы, эллины, вечно остаётесь детьми, и нет среди эллинов старца!» «Почему ты так говоришь?» – спрашивает Солон. «Все вы юны умом, – отвечает египетский жрец, – ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, посевшего от времени». Только на этих отрезках начинает формироваться действительное понимание того, как человечество встроено в природные циклы, как оно может потихоньку формировать искусство, накапливать государственную мощь, формировать действительное знание. То есть, надо в течение многих тысяч лет вести эти записи, и тогда может появляться какое-то представление о том, где ты вообще находишься. Во всех традициях говорится, и в китайской, и в шумерской, и в египетской, и дальше у греков, что без этого знания тысячелетнего человек является, в общем-то,

большим. Он – как маньяк и сумасшедший, потому что у него всё замкнуто на свои собственные интересы, на своё собственное Эго. Если разговор возникает про что-то другое, человека начинает беспокоить, как это может быть незамкнуто индивидуально, лично на него. А история — это способ лечебной процедуры, лечения от мании индивидуализма и эгоизма. Это первичный момент, связанный с пониманием больших сложных процессов в космосе, в истории, того, где космос замкнут на историю, и с тем, когда человек впервые начинает понимать, что вообще такое – труд, знания, как долго и тяжело складываются социальные институты, как они могут быстро разрушаться, а человек возвращается к варварству и, в том числе, деградирует ментально и духовно. Потому что, не имея этой столетней, трёхсотлетней, тысячелетней перспективы, человек даже не может заметить, что на самом деле его горделивое представление, будто он что-то может и понимает, происходит в период, когда осуществляется коллективная тотальная деградация, то есть в среде его обитания снижается уровень понимания, когда понимание сложных вещей заменяется примитивными выводами. А это то, про что писал Константин Леонтьев, один из выдающихся религиозных мыслителей. Он говорил, в чем-то повторяя Достоевского, что все почему-то считают, будто апостасия, гибель и ад — это какие-то там бесы, а это, на самом деле, просто снижение интеллектуального уровня, вырождение. То есть человек начинает меньше понимать, причём коллективно, а он этого даже не может заметить, потому что он ограничен своим исключительно небольшим мирком, он только в нём существует. Например, конкретно, оценить последствия цифровизации вне исторической перспективы в принципе невозможно, хотя по целому ряду параметров уже масса, так сказать, честных людей, бьют тревогу, видя, что даже бытовая цифровизация разрушает целый ряд интеллектуальных функций. И то, что ещё было доступно поколению отцов, уже становится недоступно поколению детей и внуков. И, собственно, как ответить на основной вопрос – регресс это или прогресс, – которым занят Запад, вне этой исторической перспективы и понимания того, как мыслили, что думали, и что могли люди, скажем, 50, 100, 150 лет назад? Способны ли мы это понимать и осознавать? Но есть и второй, очень важный, вопрос. Все, кто достиг значительных высот в искусстве, литературе, науках, в практиках управления, в военном деле – они у кого-то учились. И развитие человечества определяется особой формулой, которая называется филиацией идей. То есть, если ты что-то серьёзное можешь, неважно, в теннисе или в литературе, или в мышлении, это означает, что ты у кого-то учился, и, более того, есть аспекты, где учитель тебя в твоей самонадеянности «разломал» и из разлома породил. А его породил точно также кто-то ещё. И эту линию можно проследивать дальше. Но принцип филиации самих идей и культуры как филиации идей – он не демократичен. Поэтому он часто не принимается, вызывает протест у «свободной личности». А высшие образцы культуры не допускают свободы мнений и изъятий. Как говорил Георгий Петрович Щедровицкий, мой учитель, «я вообще за тоталитаризм мышления, потому что, если начинать мыслить, это требует очень жёстких и точных форм». Более того, как считал Ханс Йорген Ульдалль, известный лингвист, вообще мышление подобно танцам лошадей. Оно настолько же экзотично, настолько же удивительно для «массового человека». И более того, если однажды у вас некое «это» получилось, то это не означает, что во второй раз вам опять это удастся. Это принцип всех сложных искусств, и в поэзии, и в музыке, и в мышлении, и в науке, и в полководческом искусстве, и в тонких инструментальных техниках. Но это означает, что когда антидемократичная филиация отвергается «массой», тогда все переворачивается напастью массовой культуры. Как говорил Ортега-и-Гассет, восстание масс — это на самом деле принципиально деструктивный, разрушающий культуру и историю принцип. Отсюда следует, что если человек чего-то действительно в жизни хочет достичь, он должен найти, у кого учиться всерьёз, чтобы попасть в пространство филиации идей. Это не

означает, что невозможны самоучки. Есть действительно люди, которые переоткрывают какие-то принципы и вскрывают пласт филиации идей, буквально пробивая бетонные стены. Но во всех традиционных древних культурах, к примеру, в китайском буддизме, утверждается, что спасение человека – если рядом с ним оказался учитель. А если его там не будет, то человек может стать сумасшедшим, оставшись один на один с огромным комплексом «я», с постоянным обращением на себя. Другое дело, что мы одновременно находимся в очень сложном поле борьбы, потому «я» возведено на знамёна американской массовой культуры в виде прав и свобод индивида. И это является и формой культивирования, и формой запуска цветных революций. Но, в принципе, вся эта платформа глубинно, глубоко антикультурна и по-настоящему антицивилизационна. Потому что и цивилизация, и культура, а, в этом смысле, и история — это способность удержать линии накопления человечеством знаний, развития способностей и сверхспособностей, новых возможностей человечества. Человечество непрерывно боролось за то, чтобы развивать сверхспособности. А когда цифровизация разрушает способность запоминать таблицу умножения, выразить мысль в словах, а не подбирать просто из интернета что-то похожее, по принципу, что ты, вроде бы, примерено это хотел сказать, поэтому ты просто это скопируешь и разместишь, то это особого типа деградация функции.

Виталий ВОЛКОВ. Я дал на вопрос об истории такой ответ. Ведь, по-хорошему, вряд ли студент спросил бы, зачем нужна таблица Менделеева. Все, что его окружает, все, из чего состоит он сам, предметы материального мира, и их свойства так или иначе определяют этой таблицей. И хотя бы минимальное представление о том, что такое твёрдое, что такое мягкое или газообразное ему необходимо. Но в каком-то отношении история — это та же таблица Менделеева, которая задаёт только не химические элементы, а антропологические элементы, и классифицирует знание о том, как они формировались, и, главное, как они действуют, почему такие-то элементы имеют такие-то свойства. А эти элементы — это акторы, от которых зависит конкретно твоя жизнь. Жизнь как студента, как индивидуума, как члена общества. История даёт системное представление о том, почему те или иные группы акторов в политике, в науке мыслят именно так, а не иначе, и даже иногда вопреки своим мыслям, предпринимают такие-то действия, а не другие. Мне кажется, тот студент меня услышал. Что касается молодого человека, который спросил про цивилизацию, я бы спросил вас следующее: в тех категориях, которые вы определили, говоря про уровни подъёма или деградации, русская цивилизационная мысль как ответит на вопрос, где мы сегодня оказались? Конкретно.

Юрий ГРОМЫКО. Здесь я вынужден дать определение русской цивилизации, используя в том числе те определения, которые давали различные великие люди до меня. Я имею в виду, прежде всего, и Данилевского, и Флоренского, и Кожина, которого я очень люблю. Утверждение заключается в следующем: русская цивилизация все время находилась в котле удержания в едином целом множества народов. Русский народ, конечно, государствообразующий, но он — один из самых евразийско-центрированных. Он постоянно удерживал в диалоге огромное семейство разных народов — финно-угорских, персидских, тюркских, болгарских, татарских и так далее. Здесь важна точка зрения бывшего президента Ирана Хатами, что, с его точки зрения, Азия — это постоянный диалог цивилизаций. В этом смысле превращение России в моноэтничный Русистан — это её гибель. Если говорить: «Мы только русские, с нами Бог», то это конец той огромной сложнейшей культуре русско-тюркских, русско-татарских связей, других связей. Это действительно огромное, неосознаваемое многими богатство, потому что оно связано и со сложнейшими формами общения, и с восприимчивостью к другим культурам. То есть народ, который осуществлял евразийское строительство, должен быть коммуникатором. Коммуникатор — это когда ты понимаешь чужие ценности и не даёшь распотать свои, когда ты все время в этой форме находишься, когда ты обнаруживаешь

что-то очень интересное чужое и стараешься продемонстрировать своё. И когда Кожин говорит, что русофобы утверждают, будто Россия — это тюрьма народов, то ответ на это заключается в следующем: Европа — это кладбище народов, а Россия если и тюрьма как форма удержания, то при учете одного факта — все народы-то живы, то есть они сохранились. Россия — заповедник коренных народов. И это очень важный момент. С этой точки зрения российская цивилизация — это цивилизация жизни. Сохранение жизни, утверждение бессмертия народов — важнейший принцип, в том числе, принцип государственности. Он заключается в том, чтобы продолжались роды, существовали народы, и чтобы народы существовали в вечности. И еще один аспект важен в этом отношении. Тютчев утверждал, что настоящий европейский народ, — по тому, как себя называют европейцы, — это, на самом деле русские. Почему? Потому что они единственные, кто получил в руки, путём прямой передачи, форму государственного управления от древних Священных империй и царей. Ведь европейцы, в том числе германцы, заимствовали имперскую форму, когда уже по Риму ходили коровы. Одоакр уничтожил цивилизационную форму существования западной Римской империи. А все накопленное представление о государственности и государственном управлении в этот момент было сконцентрировано в Византии. Русские князья получили это напрямую, из рук византийских императоров. Поэтому важен Херсонес, там крестили Владимира, принявшего имя Василия по имени одного из тогдашних императоров Византии. Только в телесном, живом коммуникативном диалоге могут передаваться действительно очень тонкие переживания, секреты, характеристики. В том числе — системы государственного управления. И на самом деле в этом у европейской государственности заложена огромная травма, как говорит Тютчев. Точно так же в американской государственности заложена огромная травма по сравнению с европейскими народами. Потому что могилы их родов остались за океаном. Например, у мормонов принцип такой, что ты в 40 лет можешь получить специальные государственные деньги, чтобы ехать на континент и разыскивать могилы своих предков, вплоть до Адама. Я пока не об уровне историчности этих исследований говорю, а об очень большой травме, когда твой род обрывается где-то, и ты беспризорник. С этой точки захватническая логика европейцев — это результат беспризорности, потому что есть разрыв в передаче истории Священных царств. По Библии есть Священные царства, а когда они закончатся, будет апостасия, все разрушится. А русские обладают историей передачи Священных царств. Именно поэтому очень был важен символ монархии, империи и возникло такое огромное желание её разрушить со стороны финансово-властных групп Запада. Потому что монархия — это определённый тип очень сложного, предельно сложного исторического знания. Поэтому была такая ненависть к Византии, и она только сейчас начала сниматься в западном историческом знании. Мол, это был сплошной цезарепанизм, что все там придушенно государственным формами, что нет свободы религии. И этот вопрос действительно чудовищно важен, потому что без него трудно различить государственную машину, которая часто в России лениво воровата, бюрократически построена, скрежещет все время, и русскую государственность как принципиальное историческое завоевание. Это завоевание связано с длиннейшей традицией, в том числе, хоть и со всякими переживаниями, но очень важного принципа про Москву — Третий Рим, про киновитийное совместное житие, которое было организовано Сергием Радонежским, и которое, собственно, образовало сеть освоения России в виде монастырских форм трудничества, и так далее. Без понимания этого момента невозможно принять, казалось бы, более простые, но нанизанные на это определения русской цивилизации. И, в частности, мысль Данилевского, что русская цивилизация — единственная синтетическая цивилизация. Преодоление смерти и культивирование жизни требует, чтобы ты демонстрировал гениальность во всех формах, иначе это будет не жизнь, а что-то высушенное, однобокое, одностороннее. Нельзя увлечься только академической наукой, забыв

о госуправлении. Нельзя увлечься только технологическим развитием, не культивируя искусств, литературы и так далее. А это и есть вопрос определения русской цивилизации как невероятно синтетичной формы воспроизведения жизни. Столько всего сделали русские, в том числе в богопознании, в литературе, в философии, в науке. В том числе, в советский период. Это тоже отдельный, очень сложный момент, который касается как раз синергичной антропологии и связи Святого Духа (третьей ипостаси) и человека, а также очень сложной традиции, которая называется исихазмом и связана со способностью к не клерикально огрубевшим формам организации церковной жизни и формальной обрядовости, но к действительно религиозному служению во имя бессмертия родов и народов, во имя жизни вечной и воскресения мёртвых. А поскольку, в соответствии с православием дух святой дышит, где хочет, то это особая форма стяжания благодати. Тут особый принцип, который, в том числе, связан с пониманием того, что такое религия, что такое священное. С этой точки зрения раскрытие не просто формульного, а исторического осмысления русской цивилизации как той редкой цивилизации, которая сохраняет действительно бесконечную линию своего происхождения, исторического знания, чёткого понимания, что, где, у кого она заимствовала и какие на это были положены труды, задаёт совсем другой принцип осмысления себя в этом мире. А боевитая, наглая, невероятно мощная американская цивилизация — это подросток с его комплексами подростковыми, если вставать на позицию исторического, сложного взгляда.

Виталий ВОЛКОВ. Я считаю достоянием, или особенностью русского «аналогового» мышления способность воспринимать окружающее при посредстве механизма, который я называл «сложной правдой», или, чуть упрощая, «голографической правдой». Но в сфере восприятия тех информационных волн, накатывающих на современного человека, его потребность в защите путем решительных упрощений и дискретизации вполне объяснима. Самый простой способ защиты — это упростить, обрезать входящие сигналы. Лучше всего до уровня «да» и «нет». А это — цифровизация.

Юрий ГРОМЫКО. Я согласен с тезисом, что действительно несоразмерный информационный вал требует от человека каких-то форм защиты и упрощения. Да, идёт огромный информационный вал. Но реакция должна заключаться прежде всего в различении информации и знания. А дальше — это различение знания и мудрости. И, конечно, мощный урон, который был нанесён по постсоветской школе — это то, что в школу стали толкать всякие информационные технологии, вообще не обсуждая вопрос, а как, собственно школьнику различать сведения, непроверяемые информацию и знания. А то основное, что должен делать воспитатель и педагог — это чётко восстанавливать эту границу. Объедаться непроверяемыми сведениями вообще вредно. С этой точки зрения один из результатов информатизации в том, что оксфордский словарь посчитал словом года 2024 года выражение «брейнрот», то есть, так сказать, «гниль мозговая», которое связано с очень странным увлечением многих подростков, которые начинают бесконечно смотреть бессмысленные ролики, а после этого у них резко падает и концентрация внимания, и возможность понимать сложные тексты. Есть специальные деструктивные мемы, которые нацелены на то, чтобы вообще выйти из информационного потока путём деструкции, то есть самооскопления своих интеллектуальных функций. Но это говорит о том, что здесь отсутствует важнейшая работа, которую, во-первых, должны выполнить специалисты в области передовых информационных технологий. Они должны в определённой форме объяснить, как в этих условиях различать знания, информацию и дальше совместно с педагогами это формировать. Но есть и второй момент. Он заключается в том, что нужны совсем другие цифровые и не цифровые средства, а на смену интернета должен прийти эпистемонет. То есть это специальные средства, которые позволяют обмениваться знаниями и выявлять структуры и содержание знаний. Мы над этим работаем. И, кстати, Америка сейчас поползла в эту

сторону. Но я с вами согласен в главном, что информационный вал делает особо уязвимым целый ряд наиболее тонких процессов. А они связаны прежде всего с возможностью действительно оценивать, воспринимать сложные формы, где оказывается, что важнейшей интеллектуальной способностью для того, чтобы работать, в том числе с системами многих знаний, является способность выделять и строить модели. Эта способность в литературном творчестве, в художественном творчестве связана с понятием метафоры, потому что метафора и есть достаточно сложная и интересная модель. Если эта способность не формируется, то начинается разрушение важнейших интеллектуальных функций, прежде всего понимания, «почему» это именно так. Человек устаёт от однообразной, нудной, связанной с рекламой информации. Человеческое сознание сложно устроено, оно-то понимает, что это все - мертвечина, усредняющая и уничтожающая живую энергетику сознания, и этому пытается сопротивляться. Но есть и другая, очень важная часть, которая возникает за информационным валом. Возникают возможности нового типа оружия, оружия целенаправленного разрушения человека, в том числе в интересах рынков, в интересах электорального поведения, в интересах смены власти. За счёт специально подбираемых и проводимых сведений можно затрагивать человеческое самоопределение, ценностные матрицы и, собственно, менять идентичность. Вот где развёртывается уже достаточно сложный ад, который связан с терроризмом. Это терроризм целенаправленный, и осуществляемый по отношению к сознанию. Причём он начинается в исходно очень простых формах. А его простейшие формы связаны с конъюнктурой, с рынком и с работой рекламных агентств на покупку определённых товаров и развёртывание конъюнктуры. Есть утверждение, что по сравнению с классическим марксизмом кардинально изменилось определение власти. В марксизме одно из определений власти связано с собственностью на средства производства. А новое определение, которое предлагает Шошана Зубофф, связано с собственностью на средства форматирования человеческого поведения, потому что если у вас есть средство такого форматирования, то вы можете менять власть в заданном районе или даже в заданной стране. Вы можете организовывать брекситы, вы можете устраивать выборы, то есть вы начинаете вкручивать эту систему в формы электорального поведения. И очень важно разобраться, как такого типа трансформации возможны. Этим как раз занимаются наиболее продвинутые западные корпорации. Причём это лежит не в области каких-то удивительных нейрогормональных и психолого-физиологических процессов, каких-то вставления в ухо или в мозг электродов и чипов. Формируются специальные фиктивные образцы, демонстрирующие ложные ценности в виде персонажей, которых невозможно отличить от других, и под них начинают формироваться своеобразные группы поддержки, которые на них реагируют, ставят лайки. Человек начинает, не замечая того, ориентироваться на точку зрения этого специально сконструированного несуществующего персонажа. Это происходит в реальных социальных процессах. То есть это не нечто, вообразенное внутри головы, а это реальная форма ориентации в социуме. Человек просто начал сначала чуть иначе думать, потом по-другому осознал себя, потом осуществил другой тип действия. Это определённого типа технологии. Мы это называем концентриальным оружием.

Виталий ВОЛКОВ. Да, мы стараемся развить системы восстановления способов восприятия правды как сложного процесса. Мы называем эти способы «сложной русской правдой». Но я хотел поговорить о кризисе вокруг Украины. Около года тому назад мы с вами беседовали о том, как выйти из ситуации на Украине с определёнными плюсами, если не касаться чисто военной составляющей. Вы тогда сказали, что видите несложный путь решения в том, чтобы предложить американцам использовать наши активы, которые лежат на Западе, отказаться от них, но зато запустить вместе с Трампом большую совместную программу развития. Потому что один из Ваших главных тезисов, который мне близок – это идея

русского консерватизма как цивилизационного рывка на основе связанности советского, досоветского и послесоветского опытов. Технического рывка, мыслительного рывка, знаниевого рывка. Так вот, вы предлагали подхватить вместе с американцами, и не только с американцами и с китайцами, линию рывка, оторваться от этой Украины, и от Европы, от британцев, которые, не скрывая, на всех трибунах говорят, что не дадут мира на Украине ни Трампу, ни украинцам, ни русским... Оторваться от этого «космодрома» и уйти все-таки в космос. (Кстати, на днях в восточных землях ФРГ вспоминали о своем герое – космонавте Зиги Йене, а в этом контексте и о том, что окно в космос немцам открыл СССР). На ваш взгляд, анализируя не политическую сферу, а, скажем так, интеллектуальную среду в Америке, нынешнюю китайскую среду, нашу сложную среду, есть ли практическая возможность для такого рывка? Потому что у меня такое впечатление, что ваши слова были услышаны и в этом направлении нечто на практическом уровне происходит, хотя европейцы пытаются на этот процесс навесить гири. Не зря команда Трампа так уцепилась за использование наших активов в Европе...

Юрий ГРОМЫКО. С моей точки зрения, это не только возможно, а значение этого все более усиливается. Хотя, к сожалению, мы не хотим всерьёз воспринять форму, к которой движется Трамп и которая называется «Сделка». А мы вполне могли бы предлагать Трампу сделку в его логике, и, как раз, такую сделку, которая могла бы быть нацелена на прорывное развитие. Одна её из формул заключается в следующем: мы готовы выплатить затраты, которые понесла Америка, в том числе, неправильно финансируя Киев. Но выплатить только из активов и предприятий развития на всей Восточной Украине, которая должна включать Киев, Одессу, Николаев, но также Днепрпетровск, Харьков, Донецк, Луганск, Запорожье. Всё выплачивается из совершенно новых активов развития, в которых мы предлагаем участвовать и китайцам, и американцам. Тут могут быть разные обсуждения, но речь идёт о том, чтобы плацдарм планетарного развития прежде всего сформировать на месте тех огромных разрушений, которые сейчас произошли, в частности, в Донецкой и Луганской областях. Это, в принципе, может быть программа «Большой Донбасс», но она, конечно, имеет измерения совершенно другого уровня, которые связаны и с развитием космической сферы, и с освоением, в том числе океанического дна, и с созданием новых городов. Для меня это связано с программами превращения мульти инфраструктур в основной фактор формирования стоимости. Сергей Крутаков считает величайшим достижением открытие Рокфеллера, который превратил нефть в основной дефлятор, где под дефлятором имеется ввиду следующее. Если вы храните деньги в банки и не вкладываете их в нефтяные активы, то вы всегда проиграете по сравнению с теми, кто устремился к нефти. Крутаков говорит о гениальном Рокфеллере, рядом с которым русские геологи - лузеры, которые открывали нефть, но всю эту нефть проиграли. Я в этом с ним совершенно не согласен, но дальше он очень правильно говорит, что век нефти закончился. А тогда возникает вопрос, что вместо нефти может быть такой палочкой-выручалочкой для крупных финансистов? Но только я это называю не дефлятором. Я это называю созданием планетарной стоимости. Так вот, формой планетарной стоимости являются мульти инфраструктуры, которые суть соединение транспорта, энергетики, газопроводов, водопроводов.

Так, Центральной Азии нужна вода и телекоммуникации, в том числе, с использованием спутников. Мульти инфраструктурные решения создают новые типы общественного блага и новые общественные потребности. Прямо по Марксу. Если у вас появляется возможность связи и получения знания в любой точке мира, и к этому приложены системы обеспечения жизнедеятельности и безопасности, то это новое общественное благо. Безусловно. Оно, конечно, стоит денег, и оно становится новой привилегией всякого человека, от Африки до Латинской Америки. И процесс может начаться с жёсткого утверждения, которое прежде всего решается с американцами: «Давайте сделаем так. Россия забирает все территории,

оставляя Украине только Западную Украину, и готова выплатить компенсацию (за исключением того, что было своровано и должно быть тщательно выявлено и подсчитано) из прибыли создаваемых новых активов развития. А к созданию этих активов развития приглашаются и Штаты, и Китай». Сейчас возникла особая ситуация. Опять мы оказались на верхнем уровне международного многогранника. Это своеобразный позитивный факт, который произошёл, хотя он страшен, он на крови. Это СВО, люди гибнут, но фактически мы поднялись на самый верх международного здания. Это прямо говорит Трамп. Поэтому он предлагает убрать «Большую шестёрку», и создать совсем другую структуру. Все решается в отношениях США, России и Китая. Это очень неустойчивая форма, потому что если Россия договаривается исключительно с Китаем, то Америка проваливается на какой-то период, и она будет строить злые козни. Если Китай просто жёстко договаривается с Америкой по, так сказать, варианту Киссинджера и Никсона, то мало не покажется России. Но коммунистический Китай не верит, что имперская Америка не расправится с Китаем. Поэтому для того, чтобы укрепить эту очень неустойчивую форму, нужен действительно масштабный проект мобилизации и канализации общих усилий. Другое дело, что если, например, рассматривать то, что предлагает Маск, это должно обязательно быть связано с революцией одновременно и в космосе, и на земле. То есть это не может быть чисто космос.

Виталий ВОЛКОВ. Что может предложить Китай, и что могут предложить США, более-менее просматривается. Вопрос, что предложит Россия в этом треугольнике, помимо политики, помимо атомных бомб и ресурсной базы, и даже ряда отдельных технологических решений? Где она в этом новом мультипродукте? Вчера слушал доклад блестящего специалиста по Британии Олега Яновского. И он подтвердил то, что вы сейчас говорите. Он показал, что для британцев украинский конфликт — это способ переформирования той сети, которая и есть Британия. (Яновский утверждает, что если кто-то скажет, будто Британия — это государство, значит, он мало что смыслит в предмете. Британия — это сеть из групп финансистов, комбинаторов из разведок, из членов старых элитарных семей. Эта хищная сеть ищет любые ресурсы, и сейчас занята активным переформированием себя. А главный принцип этого переформирования состоит в том, чтобы определиться, что же является ресурсами сегодня). Так что же является новым возможным нашим вкладом в этот ресурс планетарной стоимости, помимо территории Украины?

Юрий ГРОМЫКО. Я считаю, что самым важным является вопрос выхода за те критические технологии, которые разработал Запад и которые частично украл, частично получил, частично переосвоил Китай. Вопрос заключается не в том, чтобы всем набором продуктов этих технологий заполнить мировые рынки. Китай и так уже практически их заполнил. Но умные китайцы сами задают вопрос: мол, русские, вы все время говорите про фундаментальную науку и про своё наследие великих научных традиций, но вы можете ответить, что находится за границей критических технологий? Что мы могли бы делать там вместе с вами, и чего фактически не знает Запад? То есть, грубо говоря, миссия России заключается в том, чтобы показать, что находится за границами технологических решений, которые разработали Штаты, Германия, Япония, но не просто указать, а переосвоить, превратив их в массовое производство. В чем следующий шаг развития? А на этот вопрос есть и были ответы, в том числе ещё у представителей советской науки.

Виталий ВОЛКОВ. Отмечу для читателя, что у вас есть собственное предложение в форме методики по воссозданию того, что вы называете «Школой русской гениальности» и «Школой генеральных конструкторов». Собственно, генеральный конструктор и призван создавать сложные коллективы, которые могут преодолевать границы имеющихся решений, то есть, в вашей терминологии, создавать планетарную стоимость для всего человечества.

Юрий ГРОМЫКО. Если брать Побиска Кузнецова, то его основная идея — это воспроизводство жизни в космосе из предживого в живое, из неживого в живое (Кузнецов был одним из последних

генеральных конструкторов, который занимался созданием систем обеспечения для космоса). Более того, есть знаменитые эксперименты школы Казначеева, где под воздействием специальных электромагнитных волн происходит процесс зарубцевания сердечной ткани сосудов после инфаркта. Так что я бы усомнился в том, что у США и Китая с точки зрения следующего шага цивилизационного рывка в более высокую общую жизненность нечто есть, а у России – нет. То есть на самом деле речь идёт о шаге к решению «Проблемы бессмертия». Это может звучать, как антирелигиозная пропаганда - Бог даёт человеку жизнь, он её отнимает, - но это не совсем так. Побиск Кузнецов говорил, что основная задача честного учёного — это воспроизвести замысел Творца, поскольку один из основных религиозных принципов, что человек создан по образу и подобию. Если человек хочет, он может, так сказать, постоянно обнаруживать своё подобие Богу и божественному разуму. И про это говорили великие учёные от Эйнштейна до Ландау и так далее. А вопрос бессмертия как может решаться, если понимать под «первым бессмертием» практический шаг к полноценной жизни, скажем, 170 лет, или больше 150 лет (это уже не «чело-век», а «чело – полтора века»)? И это уже огромное испытание для социальной экономики, когда люди в таком возрасте начнут жить и работать, а не просто быть овощами с потерянными интеллектуальными функциями. У меня сейчас много знакомых в Академии наук, которым под 100 лет, и которые продолжают писать книги, думать. А их личная история связана совсем с другими массивами, они помнят, как люди думали 10, 20, 30 лет назад, в чем были ошибки тех социальных форм, которым принадлежали они, но их переросли. То есть это другой тип социального знания. Возникает вопрос, как быть с пенсиями, с тем, как использовать возникающий «серебряный продуктивный творческий труд»? Это тоже мультиинфраструктура, потому что для того, чтобы человек жил 150 лет, вокруг каждого должна быть создана комплексная, инфраструктурная аура из цифровых, аналитических данных, из анализа его привычек, и так далее. То есть речь о практико-ориентированных системах, которые буквально сдвигают жизнь дальше. Ещё один фундаментальный вопрос, где были наработки – это то, что разрабатывал Побиск Кузнецов – вопрос об определении комплексной мощи государства, что, кстати, сейчас прорабатывается в Китае. С точки зрения Побиска, это прежде всего связано с наращиванием скорости энергообеспечения. И это сейчас основной вопрос с позиции создания экономики больших данных. Но именно генеральные конструкторы являются ключевыми фигурами проектирования многообразных и разнотипных инфраструктур от систем жизнеобеспечения вокруг отдельного человека, до новых форм транспортной связанности страны. Я, например, знаком с замечательным разработчиком Ушаковым, которым уже проделана огромная работа, где показано, что для создания транспортных инфраструктур в условиях крайнего Севера рывок определит инженеринговый пластик. Он во много раз больше обеспечивает безопасность, и во много раз дешевле. Ещё один аспект воспроизведения жизни - пищевая революция. Тут, к примеру, есть опыт замечательного разработчика Иванова, который решает основной вопрос - как создавать условия для того, чтобы появились не только качественные продукты питания, но лечащая пища, потому что на самом деле человек может лечиться, употребляя пищу специального состава.

Виталий ВОЛКОВ. У меня в Германии был знакомый, который производил лечащий хлеб. Он вёл очень странный образ жизни, мягко говоря. Будучи уже очень немолодым человеком, он жил в холодном доме, разработал свою систему жизнеобеспечения. Он всерьёз собрался жить вечно. Конечно, под «вечно» он понимал «дольше обусловленных границ». И это человек очень практический, тёртый, посидевший в тюрьмах. Не сказать, что он мечтатель. Он хотел преодолеть границу. Но я хотел бы вернуться к началу нашей беседы, к вопросу об истории и о правде, но в контексте Украины. На Западе конкретно и тщательно готовится большой трибунал над нами, над Россией. Это трибунал «за Украину». Его штаб-квартира открыта в

Люксембурге. Его задача – определить по своим лекалам ещё большее переформатирование «мирового представления» об истории, с использованием своих механизмов юридической интервенции в международное право. Одна из целей – занести в условный «русский культурный код» чувство вины, как это было сделано с западными немцами. А чувство вины «в обществах без варварства» – это способ внешнего управления. Так еще Чехов писал. Но для этого нужно лишить нас «Победы», которая остаётся ключевым элементом нашей современной истории. И в этом отношении я наблюдаю жесткое столкновение у нас двух точек зрения. Первая – что историю пишут победители, и что только после победы можно проводить трибуналы, Нюрнбергские процессы, поэтому ни наши противники не смогут ничего добиться таким трибуналом без победы над нами на поле боя, ни нам нет резона заниматься трибуналом над укронацизмом до достижения победы над «Киевским режимом». Вторая точка зрения состоит в том, что, учитывая нынешнюю роль информационных фронтов и борьбы за трактовки, необходимо учитывать, что победу можно и нужно формировать заранее. Не отказываясь от «сложной русской правды», которая избегает манипулирования, не прибегая к пропаганде и лжи, надо уже сейчас, без промедления, определять те поля, на которых осуществляются различные формы противостояния с тем, что мы с Вами называем укронацизмом, с его пособниками и организаторами, а также произвести их осуждение перед мировыми аудиториями?

Юрий ГРОМЫКО. На мой взгляд, на самом деле корень победы заключается в том, чтобы действительно выявить и предъявить ту основную позицию, которая требует уничтожения, разгрома. После того, как греки победили персов, появилась трагедия Эсхила «Персы». Греков в этой трагедии интересуют, а почему на самом деле персы проиграли? То есть они не любовались своими победами, связанными с поражением их противников на поле боя, а их интересовало, в чем была основная ошибка персов. Эсхил утверждает, что это было связано с «убрис», с гордыней. Для греков гордыня означала, что ты выходишь за место действия на тебя твоего «благого демона», то есть ты настолько зашагиваешь в гордыню, что остаешься вне защиты. Пусть это мифологический взгляд, но для меня он верный, в том числе для моделей современного поведения. В условиях информационного, знаниевого и концентриального противоборства важнейший момент – заранее определить, в чем неусомневаемая позиция «сложной русской правды», которая обеспечивает именно превосходство и победу над противником. И для меня совершенно очевидно, что это связано с тем, что путём манипулятивных воздействий целый ряд западных деятелей фактически сформировали укронацизм как агрессивную террористическую форму геноцидального уничтожения населения. И если мы даже в пух и прах разгромим и раздавим режим Зеленского, то победы не будет. Это, кстати, тот хвост, который не получилось прижать на Нюрнбергском процессе, потому что финансовая олигархия, которая построила возможность финансирования Гитлера, в частности, Ялмар Шахт, не была наказана. Более того, Шахт спокойно ездил в Японию и формировал Центробанк Японии после войны. Эти люди, собственно, и являлись теми, кто организовывал фашизм, кто формировал его идеологическую подоплёку, и этот хвостик остался после нашей победы в Великой Отечественной, во Второй Мировой войне. Поэтому победа-то начинается с разоблачения этих структур и личностей, и представления их в виде реального субъекта криминального действия. Я имею в виду структуры, которые считают, что можно на территории стран, где проживают в сложном жизнедеятельностном существовании разные этнические, конфессиональные, разнорациональные общности, начинать выдирать или организовывать определённую группу и фактически подстрекать, соблазнять ее на создание моноэтнического, национального, а на самом деле националистического государства, где будут угнетаться и уничтожаться другие группы. После гибели Советского Союза, на примере развала Югославии, мы наблюдаем второй этап формирования националистических

государств. Как показывает Бенедикт Андерсон в своей известной книге «Воображённые сообщества», первый этап был связан с борьбой и развалом империй. А сейчас начинается второй этап. Это фактически националистическое формирование на базе крупных агломеративных цивилизационных систем, и это в первую очередь является очень опасным для России, для Китая, для Индии, для Ирана. Мы наблюдали это в Сирии, которая разодрана. Но точно также есть риск и для США, где, условно говоря, мормоны это одно, негры, исповедующие ислам, – другое, испаноязычные – третье. То, что там выращивается в «заповедниках», в резервациях - государственность традиционных индейцев – это четвёртое. Я это сам увидел. Индейцы навахо говорят: «Мы будем формировать свою государственность, сколько от нас бы это не потребовалось. 300 лет, значит 300 лет». И так далее. И все можно взорвать, то есть это борьба, которую структуры, стоящие за укронацизмом, нам навязали на Украине, может быть перенесена и на Америку. Отделение Техаса, поддержка индейцев с их формированием государственности - это действительно вскрытие той крышки, за которой развёртывается ад, где начинается борьба всех этих небольших микросообществ друг с другом, и где они готовы все взрывать и разносить. Украинцам внушается: да, Украине всё время, то Польша, то Германия, то Россия мешали создать своё национальное государство. И это соблазн. Вот они, русские, рядом живут, а не хотят говорить на суржике, их надо убирать, они действительно просто вредные колорадские жуки, их надо сжигать. Поэтому то, как финансовая олигархия снова формировала нацизм – это то, против чего необходимо выступать на Украине. Но это террористический деструктивный процесс, в результате которого перестают существовать устойчивые, крупные цивилизационные сообщества. Они становятся предметом переформатирования и переделки за счёт концентрированного терроризма и концентрированного оружия, где трансформируется идентичность больших сообществ.

Виталий ВОЛКОВ. Мы с вами недавно были на лекции Гётца Кубичека (один из лидеров сегодняшнего немецкого интеллектуального консерватизма), и он, выступая от лица немецких консерваторов, говорил о том, что, на самом деле, основное, к чему сегодня немецкие консерваторы стремятся, это возвращение нормальности. И, насколько я вижу их ситуацию, очень серьёзный вопрос для них - это вопрос, как обойтись с их чувством вины, которое создаёт их постоянную внешнюю зависимость. Оно - как анод, вживлённый в мозг. Оно позволяет из них мастерить определенные типы акторов. Сейчас это тип «среднего немца», который зовется гутменшем. Он легко управляем, но искренне убежден, что совершенно свободен, индивидуален, и что служит великому - демократии и прогрессу. На России, на русской цивилизации, этого бремени и управляемости в мозге нет. Но есть свой вопрос о возвращении к нормальности. Поскольку есть бремя «гражданской войны в мозгах и в сердцах». Он есть в форме истории России, разрезанной как минимум на три участка в мозгах, в сердцах, в родах. Досоветская, советская, постсоветская история. По сути, несколько гражданских войн... Возможно ли, по-вашему, предложить сшивающее и нормализующее средство? Средство, которое бы вернуло бы единую линию истории, и вернуло бы нормальность, но при этом было устремлено не к архаике, а к рывку. Рывок в нормальность, и в общечеловеческое будущее. Например, через литературу, потому что теории на русского человека так не действуют, как действуют на немца...

Юрий ГРОМЫКО. Это вот как раз область, которая очень интересно рассматривалась Вадимом Кожинным, который показывал, что на самом деле для него самый интересный момент в советской истории - это то, как стали восстанавливаться и всплывать имперские структуры в преобразованном виде именно в период, когда решался вопрос, быть нам или не быть? Когда стали вводиться офицерские звания, погоны, ордена Кутузова, Суворова, и масса другого.

Для меня самый опасный момент сейчас – это оголтелый антисоветизм под разными вывесками. В частности, под вывеской русского национализма. Приводятся цифры, сколько священников было погублено советской властью. Хотя как митрополит Тихон (Шевкунов) говорит, надо понимать, какую роль в гибели государя сыграло именно духовенство высшего уровня, поскольку оно приветствовало Февральскую революцию и активно участвовало в ней. И это сейчас уже установленный доказанный исторический факт, благодаря замечательным работам историка М.А. Бабкина. В церквях перестали почитать царскую семью вдруг, причем в стране, где основная информация шла именно через церковь. Население неграмотное, люди пришли в храм, а там государственную семью не поминают. Значит, повсюду измена, надо бросать армию, бежать в свои места, надо землю брать. При этом, как всегда, бывает в период тяжелейших испытаний, возникли настоящие мученики за веру, светильники во тьме, благодаря которым вечно жива Русская Православная церковь.

Но важно, что сегодня русский антисоветизм смыкается с украинским антисоветизмом, потому что, если посмотреть на то, что укронацисты говорят на своих форумах, то видно, что русские для них – «совки». То есть они считают, что они уже, так сказать, приобщились к Западу, они разделяют западные ценности, они почти уже там, а русские как были «совками», так и остались. И это родимое пятно означает, что пока нами не присвоен советский опыт в преображённом виде, мы не цельны. В преображенном - потому что я тут согласен с президентом, что Советский Союз мы не восстановим, это невозможно. У нас нет ни той идеологии, ни движущих классов. Но переосвоить именно советские институты, например, институт генеральных конструкторов, институт фундаментальной науки, институт лучшей в мире советской школы на новых основаниях (нам нужна школа будущего, которая воспроизводила бы советскую школу) — это и есть важнейшие условия непрерывности истории. Кожин прав в том, что есть этап периода революционного, всё разматающего, рушащего всё из предшествующего периода, когда пена спадает, и тогда начинают всплывать стоящие вещи, которые образуют нашу суть. И поэтому для меня «генеральный конструктор» — это один из институтов, он мне невероятно дорог именно как форма воспроизводства в совершенно новых условиях советского опыта. Но на том же уровне, в той же величине и с той же субъектностью. И я никаких других вариантов не вижу. Все, что мы пытались заимствовать с Запада - кремниевые долины, стартапы эти бесконечные, всех этих венчуристов, все эти разговоры про бизнес -«без нас», все это, как пена, обрушилось. Это совершенная мертвечина, она должна сейчас как шелуха, просто отлететь. Но вокруг этого, конечно, развёртывается борьба. И в этом смысле, на мой взгляд, русский национализм на самом деле оказывается очень похожим на укронацизм по простому принципу злобного отрицания достижений советской истории, он мешает воспроизводству её непрерывности.

Виталий ВОЛКОВ. Всё-таки, возвращаясь к самому началу беседы, русская цивилизация уже состоялась? Есть такое впечатление, что британцы или французы точно знают, кто они такие, и видят себя в вечности, сформированными со всеми их цивилизационными атрибутами. А мы — знаем, что мы есть как цивилизация?

Юрий ГРОМЫКО. Те цивилизации, которые знают, что они такое, уже выведены из жизни, они уже закончили свой земной путь, то есть они уже умерли с этой точки зрения. Мы можем так описывать как объект гениальную, но умершую древнеегипетскую цивилизацию. Можем так описывать античную Грецию, можем так описывать античный Рим. Очень опасно знать все про себя. Это означает, что ты уже умер.

Виталий ВОЛКОВ. Но в этом отношении попытка внести украинство в коды Европы, или, как я еще с начала 2010-х говорю, украинизация Германии — это ведь и способ оживить «замершую цивилизацию», внести в неё не просто новый генетический новый фактор, а внести новые неизвестные, и новую пассионарность...

Юрий ГРОМЫКО. Да, но, если вслед за этим не происходит того, что Гумилёв называл химерой. Тут есть очень тонкий момент. Действительно, гумилёвское великое прозрение заключается в том, что этнос является живым организмом. То есть у него есть точка рождения, точка пика, и дальше начинается старение, деградация и смерть. Но некоторым этносам везёт, они вступают в связь с другими этносами, и у них возникает некоторый новый импульс жизни. А может этого не произойти. Тогда – нежизнеспособная химера, напившаяся чуждой ей крови, обскурантизм, как говорит Гумилёв, и дальше старение и развал. Импульс опять органически живого как раз цивилизацией, государственностью поддерживается, потому что должен быть смысл, ради чего жить? Я как раз не очень верю в размышления Гумилёва, особенно раннего, про солнечную активность, которая вызывает мутации... Наверное, это тоже все есть, но самое главное в человеческой природе – это смысл, потому что человек живёт, пока ему есть для чего жить. Он отстаивает идеи, что-то создаёт, воспитывает детей, о ком-то заботится. И так далее. И здесь точно также. То есть, если исчезает смысловой горизонт, начинается обскурантизм.

Виталий ВОЛКОВ. (Post Scriptum): Эта беседа велась перед Новым годом, то есть до киднеппинга в Каракасе. Арест и вывоз в США спецназовцами «Дельты» президента Венесуэлы многие обозреватели в Европе и в России сочли шагом, который существенно осложнит отношения между Белым Домом, Москвой и Пекином. Однако есть военные эксперты и политологи, которые, напротив, считают, что такое действие осуществлено после согласования неких шагов по трансформации мироустройства, между этими тремя центрами принятия решений. И не случайно комментатор немецкого общественно-правового канала вечером 3 января поставил военную агрессию США в Венесуэле в контекст претензий команды Трампа на Гренландию. А Гренландия для команды Трампа – это, в первую очередь, ресурс для нового технологического рывка в экономику больших данных и новой, мультиинфраструктурной логистики

Фонд «Духовная культура» очень гордится, что является правой рукой Президента Российской Федерации В.Путина в вопросах создания Духовной культуры в России, действующего, согласно Устава Фонда «Духовная культура».

Российское Государство – это наша Соборная церковь. Мы в ней прихожане

Фонд «Духовная культура» предлагает Вам, Юрий Викторович, направить данное письмо, как дополнительный материал по созданию нового проекта Фонд «Духовная культура России» Митрополиту Марийскому и Йошкар – Олинскому Иоанну, выполнить нашу просьбу и дать совместный конструктивный ответ в адрес Фонда «Духовная культура».

С уважением,

президент Фонда «Духовная культура»
Генеральный директор
Общероссийского духовно-патриотического
Центра «Духовная культура Республики Марий Эл»
Генеральный директор
Общероссийского духовно-патриотического
Центра «Духовная культура Кировской области»
Генеральный директор
Общероссийского духовно-патриотического
Центра «Духовная культура Республики Татарстан»
Генеральный директор Общероссийского проекта
«Детский хоспис «Солнечный лучик»

Директор «Торговый Дом «Ахтырский полк»
Исполнительный директор Фонда «Духовная культура России»
Исполнительный директор Мирового Фонда «Духовная культура»
член Центрального Совета
Общероссийского Общественного Движения «Россия Православная»
Секретарь Совета «Духовный Спецназ – Авангард Победы»
член партии «Единая Россия»
Генеральный директор ООО «БАЗАЛТ»
Хохлов В.В.